

Проявления и оценки рентно-сырьевого характера отечественной экономики

Нередко исследователи характеризуют экономическую систему, сложившуюся в современной России, через понятие рентно-сырьевая экономика. В статье рассмотрены проявления и дана оценка обоснованности такого определения характера отечественной экономики. Сделан вывод, что потоки рентных доходов, их величина и стабильность определяют динамику и модель развития страны.

Ключевые слова: бюджетная политика, валютный курс, государство-рантье, денежно-кредитная политика, рента, суверенный фонд, рентно-сырьевая экономика.

Л. Н. Даниленко,
*к. э. н., доцент кафедры экономики
и финансов, Псковский государственный
университет*
daniluda@rambler.ru

Рентно-сырьевой характер российской экономики, ее зависимость от внешних факторов — мировых рынков товаров и капиталов — признают многие исследователи. Но насколько сильна эта зависимость? Можно ли считать ее чрезмерно высокой? В чем она проявляется и какие угрозы несет? Исследователи дают разные ответы на эти вопросы.

Одни авторы особо подчеркивают, что определение российской экономики как сырьевой навязывается обществу, что ни в структуре ВВП (доля добывающих отраслей в ВВП страны в последние годы составляет 7–9%), ни в численности и доли занятых в экономике (в добывающем секторе занято не более 2% всей рабочей силы страны, что меньше, чем, например, на железнодорожном транспорте) сырьевой характер не просматривается [16]. Россия не является аутсайдером среди других стран мирового экономики и по относительному весу обрабатывающей промышленности в национальном хозяйстве. Так по доле обрабатывающей промышленности в ВВП наша страна ненамного уступает США (14,1% против 15,4%) и превосходит, например, Норвегию (10,7%) или Австралию (9,8%) [20].

Вместе с тем, есть сырьевой сектор российской экономики, в рамках которого создается огромный доход в виде горной и ценовой ренты, обеспечивающей не только до 70% валютных поступлений от экспорта и 100% поступлений в Резервный фонд и фонд Национального благосостояния. За счет ренты финансируется приобретение более 80% зарубежной недвижимости и теневой капитал российских коррупционеров, обеспечивается более 70% наполнения офшорных счетов, принадлежащих российским бенефициарам. Россия скорее представляет собой не сырьевое государство, а государство-рантье, живущее за счет горной и ценовой

ренты и предвкушающее «хорошую погоду на нефтяных биржах», — считает С. Кимельман [16].

Действительно, несмотря на то, что добыча нефти в России даже за относительно успешные «нулевые» годы так и не вышла на уровень 20-летней давности (в 2011 г. объем нефтедобычи оставался меньше уровня РСФСР 1990 г. на 1,2%), благодаря высоким мировым ценам среднегодовая выручка только от экспорта нефти и нефтепродуктов выросла в 7,3 раза: с \$36 млрд в 2001 г. до более чем \$263 млрд в 2011 г. [14]. В процессе рыночной трансформации нефтяной сектор, в силу объективного генерирования в нем значительных объемов ренты, стал преобладающим, наиболее доходным сектором народного хозяйства, а с начала нынешнего века — и основным источником пополнения доходной части бюджета страны.

Процесс превращения российского государства в государство-рантье С. Кимельман отслеживает именно по тому, как менялась доля налогов за недропользование в доходах федерального бюджета (см. табл. 1). До 2002 г. доля таких налогов была незначительной (3–6%) и бюджет практически не зависел от доходов нефтегазовых компаний (почти вся рента уходила на офшорные счета компаний недропользователей). В настоящее время доходы федерального бюджета наполовину обеспечиваются рентными доходами, что обуславливает фактическую незаинтересованность именно государства-рантье в развитии обрабатывающей промышленности [15].

Согласно оценкам других авторов, российская экономика определенно может быть отнесена к категории сырьевых, в том числе и по показателю доли отраслей нефтегазового сектора в ВВП страны. «Если бы структуру ВВП не искажали трансфертное ценообразование и занижение экспортных цен, то в действительности

Таблица 1

Динамика изменения доли платежей и налогов за недра в доходной части федерального бюджета Российской Федерации, %

Годы	Доля налогов и платежей за недра
2002	10,6*
2003	21,6
2004	32,7
2005	42,1
2006	46,9
2007	37,3
2008	47,4
2009	40,7
2010	46,1
2011	49,7
2012	50,7

* Консолидированный бюджет.

Источник: Федеральное казначейство [43]

она была бы другой», — обращают внимание эксперты Фонда экономических исследований. По их расчетам, данные официальной российской статистики (7–9%) сильно занижены. Скорректированные данные позволяют оценить вклад нефтегазового комплекса (с учетом трубопроводного транспорта) в отечественный ВВП на уровне не менее 25%, т. е. «степень зависимости структуры отечественного производства от «трубы» приблизилась к соответствующему показателю финансовой системы России» [3]. Такая структура ВВП позволяет определить специфику экономического контура экономики России так: «на сырьевом фундаменте выстраивается функционирование сферы услуг и банковского сектора, что открывает дополнительные возможности и стимулы для спекулятивного использования капитала» [26].

Подтверждает сырьевой характер отечественной экономики и тот факт, что более 3/4 экспорта страны составляют углеводороды, металлы, лес и прочее сырье. Причем если в 1995 г. минеральные продукты, основу которых составляют нефть и газ, составляли 40% в общем объеме совокупного экспорта России, то в 2000 г. — уже 54,5%, а в 2007 г. — 68,5% [22]. В 2011 г. экспорт минеральных продуктов составил 73,8% стоимостного объема национального экспорта, в 2012 г. — 74%. В общей структуре выручки нефтегазового комплекса страны на экспортные поставки пришлось 67%¹. Кроме того, рыночная стоимость акционерного капитала компаний нефтегазового сектора составила 47% капитализации рынка акций страны. Результаты деятельности именно этих компаний являются основой обеспечения платежного баланса страны, увеличения золотовалютных резервов России [37].

Свой подход к оценке сырьевого характера отечественной экономики предлагают специалисты в области мировой экономики [29]. В теории международной

¹ С моей точки зрения, использование таких количественных критериев определения сырьевости сектора экономики, как доля сырьевого экспортно ориентированного сектора в ВВП, или доля нефтегазовых доходов в национальном экспорте, не вполне корректно, поскольку значение этих показателей являются функцией мировых цен на сырье.

Таблица 2

Показатели воспроизводственной открытости экономики России и других стран, в %

Страна	Экспортная квота		Импортная квота	
	2007 г.	2010 г.	2007 г.	2010 г.
Россия	27,4	27,0	17,3	16,8
США	8,4	8,8	14,6	13,5
Германия	40,0	38,3	31,9	32,2
Япония	16,3	14,0	14,2	12,6
Франция	21,3	20,4	23,7	23,7
Великобритания	15,6	18,0	22,1	24,8
Китай	35,2	26,8	27,6	23,7
Мир в целом	25,2	24,2	25,8	24,4

Составлено по [29]

экономики используется понятие степень открытости экономики, рассматриваемая в двух аспектах: институциональная открытость (оценивается по степени либерализации торгового и инвестиционного режима), и воспроизводственная открытость, показывающая степень зависимости национального производства от мировых рынков и оцениваемая с помощью таких показателей, как экспортная, импортная и внешнеторговая квоты — выраженные в процентах доли стоимостного объема экспорта, импорта и внешнеторгового оборота в ВВП страны. На первый взгляд, по этим показателям российская экономика не сильно выбивается из общей картины (см. табл. 2). Хотя ее экспортная квота и немного выше среднемирового показателя, импортная квота — ниже, и в целом за кризисный период они практически не изменились.

Вместе с тем, если оценить воспроизводственную открытость для отдельных видов производств и отраслей, то окажется, что отрасли добывающей промышленности и первичной переработки ориентированы на мировые рынки в очень значительной степени. Например, доля экспорта в объеме производимого никеля и кобальта составляет более 90%; первичного алюминия, минеральных удобрений, целлюлозы — более 80%; необработанного леса, фанеры, цинка, сырой нефти, каменного угля — более 50%; стального проката, продуктов нефтепереработки — около 50% (причем, мазута — 90%); газа — более 30% [24]. С другой стороны, доля импорта на фармацевтическом рынке России составляет более 70%, кожаной обуви — около 90%, мяса — 25–30%, молочной продукции — 20%, грузовых автомобилей — более четверти, легковых — более трети, сельхозтехники — более половины и т. д. Эти цифры, заметим, свидетельствуют не только о высокой степени зависимости национальных рынков от внешних поставщиков, но и о значительном потенциале импортозамещения.

Таким образом, с учетом структуры российского товарного экспорта и импорта (около 80% отечественного экспорта приходится на топливно-сырьевую продукцию; в импорте же 80% составляет готовая продукция, из которой более половины — это машины, оборудование и потребительские товары длительного пользования), подверженность отечественной экономики (объемов производства, рабочих мест, налогов, потребительских и инвестиционных расходов)

внешним шоком очень существенна, что и продемонстрировал последний мировой кризис, ударивший по России сильнее, чем по другим странам. В годы кризиса Россия понесла большие потери, прежде всего, из-за изменения соотношения между экспортными и импортными ценами (мировые цены на сырьевые товары упали сильнее, чем цены на машины и оборудование), в результате чего резко ухудшились условия торговли. По оценкам В. Оболенского, только в 2009 г. в связи с изменениями условий торговли страна потеряла \$151,1 млрд, или 12,4% своего ВВП [29].

Высокая зависимость отечественной экономики от внешних рынков генерируется и сложившимся дисбалансом между ее структурой и внутренним спросом. С одной стороны, внутренний рынок не в состоянии потребить большую часть продукции добывающей промышленности и некоторых перерабатывающих отраслей, и «излишки» вывозятся за рубеж, с другой, существующий производственный потенциал обрабатывающей промышленности, АПК, сферы услуг не соответствует спросу на внутреннем рынке ни по качеству, ни по количеству, ни по номенклатуре производимой продукции. Значительная доля спроса удовлетворяется за счет импорта.

Другой пример растущей экспортно-сырьевой зависимости России дает значение «цены отсечения» нефти, делающей бездефицитным федеральный бюджет. Всего за пять лет (2007–2011 гг.) «цена отсечения», требуемая для обеспечения равенства доходов и расходов федерального бюджета увеличилась с \$27 до \$110 за баррель. Бюджет 2012–2014 гг. является бездефицитным лишь при цене нефти \$125 за баррель. «Штрихом к портрету» зависимости экономики России от сырьевых доходов является и показатель нефтегазового дефицита федерального бюджета, то есть бюджетного дефицита, покрываемого нефтегазовыми доходами и государственными займами. Если в 2004 г. его величина составляла 1,8% ВВП, то к 2013 г. нефтегазовый дефицит вырос до 10,4% ВВП (а в 2009 г. и вовсе достигал 13,7% ВВП) [21]. Признаком того, что Россия подседа на «нефтяную иглу» можно считать и сам факт приверженности правительства к концепциям формирования бюджета страны на основе его плотной привязке к нефтегазовым доходам [10, 30].

Роль нефтегазовых доходов возросла настолько, пишет М. Соколов, что они стали ключевым фактором, определяющим динамику основных макроэкономических показателей. Например, когда в 2009 г. упали мировые цены на нефть, в результате чего в России на 30% снизились доходы от нефтегазовых ресурсов, это «моментально привело к сокращению консолидированного бюджета страны на 15%, промышленного производства — на 10,3, инвестиций в основные фонды — на 15,7, внешнеторгового оборота — на 35, величины ВВП — на 7,8%» [34]. В ситуации, когда вариация ВВП на 83% определяется ценой нефти [8], нефтегазовые доходы, зависящие от мировых рынков, из драйвера экономического роста в докризисные годы превратились в катализатор спада в период кризиса.

Экспортно-сырьевая зависимость российской экономики проявляется и в особенностях денежно-

кредитной политики, проводимой Банком России, и в состоянии денежного рынка страны. Регулируя величину первичного рублевого предложения, Центральный банк страны отталкивается от эмиссионной схемы валютного правления (currency board), согласно которой формирование национальной денежной базы привязывается к притоку в страну нефтедолларов, иностранных кредитов, динамике объемов золотовалютных резервов (ЗВР) страны. В результате, например, в 2010 г. уровень монетизации российской экономики (M2/ВВП) составлял менее 43% и был вдвое ниже, чем в ЕС, в 3–4 раза ниже, чем в Японии, Китае, где уровень монетизации превышает 200% [12].

В этой связи стоит отметить противоположные оценки. Так, по мнению А. Кудрина, в настоящее время Банк России не придерживается политики валютного правления, и вообще, даже этот «прирост денег в экономике был чрезмерным и служил дополнительным источником инфляции», поскольку «рост количества денег в экономике намного превышал объем, который она могла освоить». Бывший министр финансов особо подчеркивает тот факт, что в течение всего периода 2000–2012 гг. темпы прироста денежной массы заметно превышали темпы прироста ВВП страны [21].

Автор данной статьи не согласна с таким подходом в принципе, и вот почему. Величина денежного предложения российскими монетарными властями определяется в соответствии с рекомендациями количественной теории денег. Но условием обеспечения сбалансированности денежного рынка является точная оценка спроса на деньги. В 1990-е гг. при оценке спроса на деньги в российской экономике была допущена ошибка, состоящая в том, что денежный спрос определялся исключительно на основе динамики ВВП. Соответственно, в условиях падения реального ВВП Банк России проводил политику сжатия денежного предложения (уровень монетизации в конце 1990-х гг. составлял 8,5%), что привело к кризису неплатежей, росту процентной ставки, тотальной бартеризации экономики. Вместе с тем, в условиях трансформации российской экономики резко увеличились объемы посреднических операций, начал развиваться фондовый рынок, рынок недвижимости, то есть падение ВВП сопровождалось ростом объема сделок и, следовательно, спрос на деньги не падал, а возрастал. И позже, в 2000–2008 гг., темпы роста платежного оборота в России опережали темпы роста реального ВВП почти в 7 раз [1]. В такой ситуации логичным представляется отказ от использования количественных, на основе привязки к динамике ВВП, ограничений денежной массы в стране. Правильнее будет давать оценку текущему спросу на деньги по показателю оборота платежной системы, адекватному объему сделок в экономике, с тем, чтобы точнее отразить потребности хозяйствующих субъектов в деньгах.

Низкий уровень монетизации неизбежно сопрягается с высокими процентными ставками на денежном рынке страны, что провоцирует инвестиционный кризис в несекторных секторах и усиливает качественную деградацию структуры народного хозяйства России, обуславливает примитивизацию факторов экономического роста. При средних ставках по кредитам, предо-

Таблица 3

Рентабельность проданных товаров, продукции, услуг по отдельным видам экономической деятельности в 2006–2012 гг., в %

Виды деятельности	2006	2008	2010	2012
Добыча полезных ископаемых	30,9	27,6	35,5	31,0
Металлургическое производство	36,3	29,1	20,7	12,6
Химическое производство	17,0	32,8	19,8	22,9
Производство машин и оборудования	8,8	8,7	7,3	7,7
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	9,9	9,1	10,1	8,1
Деревообрабатывающее производство	5,3	3,0	2,5	5,3

Источник: [40]

ставляемых российскими банками на уровне 18–23%, только добывающие производства, предприятия химической и металлургической промышленности, имеющие относительно высокие уровни рентабельности, могут позволить себе воспользоваться кредитными ресурсами (см. табл. 3).

Неудивительно, что высокая цена внутренних займов приводит российский бизнес на внешние рынки, где ставки по кредитам в 2,5 раза ниже российских. Однако внешние заимствования частного сектора не только увеличивают совокупную национальную задолженность России, но ухудшают структуру и качество национального долга, в котором частный долг, считающийся менее надежным, многократно преобладает над государственным (см. табл. 4).

Отмечу и другие негативные эффекты. Во-первых, свыше 70% внешней задолженности нефинансовых организаций составляет долг предприятий, добывающих и транспортирующих углеводороды, руды черных и цветных металлов, сырье для химической промышленности [36]. Подобная направленность зарубежных капиталопотоков закрепляет и усиливает сырьевую направленность развития отечественной экономики.

Во-вторых, в принципе, привлечение бизнесом кредитных ресурсов с внешних рынков — нормальное явление в экономике. Ненормальным его делает факт наличия в стране собственных финансовых ресурсов, аккумулированных в сберегательных фондах, притом, что среднегодовая доходность инвестирования средств Фонда национального благосостояния составляет 3,4%, активов Резервного фонда — 2,7% [23]. Главным препятствием активной инвестиционной политики страны является то, что «рефинансирование экономики идет не через российские банки и не с использованием огромных внутренних финансовых источников, а через границу, куда практически бесплатно вывозятся российские финансовые ресурсы, а частный сектор снова их ввозит, но уже в виде займов иностранных банков под значительный процент», — предупреждали исследователи еще в докризисный период [6]. В результате, ежегодные прямые потери России от «ножниц процентов», т. е. разницы в процентных ставках по заемным и размещенным средствам, превышают \$35–40 млрд [12].

Таблица 4

Динамика внешней задолженности российской экономики, \$ млрд, на начало года

Показатели	1998 г.	2005 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.
Государственный внешний долг	154,7	105,5	32,2	47,9	59,5
Объем задолженности финансовых организаций	10,9	32,3	166,3	159,0	564,5 (суммарно)
Объем задолженности нефинансовых организаций	19,6	75,7	282,0	331,7	
Совокупная внешняя задолженность	185,2	213,5	480,5	538,6	624,0

Составлено по: [29, 36]

Никаких выводов денежные власти страны не делают и, судя по официальным документам Банка России и заявлениям его нового руководства, никаких изменений в характере денежно-кредитной политики в ближайшие годы не предвидится. Не ожидается изменений и в характере управления Банком России золотовалютными резервами (ЗВР) страны, хотя в этом направлении существуют немалые резервы для повышения общехозяйственной эффективности.

За «нулевые» годы рост цен на углеводороды и увеличение экспортных доходов обусловили наращивание ЗВР России. За период с 2000 по 2013 гг. они увеличились с \$12,5 млрд до более чем \$537 млрд, и сегодня по объему ЗВР наша страна входит в первую пятерку стран мира, заметно уступая лишь Китаю и Японии. Как показывает практика, накопление ЗВР создает некий запас прочности для экономики, но это вовсе не означает, что вся внутренняя ликвидность должна формироваться только на основе притока иностранной валюты. Да, официальные ЗВР служат одним из факторов формирования денежной базы страны, и резкие изменения их уровня приводят к колебаниям величины денежной массы, что, в свою очередь, может оказать дестабилизирующее воздействие на национальную экономику (как это случилось, например, в России в августе 1998 г.). Вместе с тем, ошибочным видится использование наличия связи между величиной ЗВР и объемом внутреннего денежного обращения для обоснования представлений о том, что ЗВР являются «обеспечением» национальной денежной массы, что от их уровня зависят качественные характеристики национальных денег и, следовательно, наращивание ЗВР — главная гарантия «здоровья» национальной денежной единицы.

Еще А. С. Пушкин характеризовал одного из своих героев, как господина, который умел судить о том, как государство богатеет и почему не нужно золото ему, когда простой продукт имеет. Деньги — это товарная стоимость. Вопрос о «здоровье» национальной валюты является вопросом о технологическом строении и эффективности национального производства. Чтобы рубль стал свободно конвертируемой валютой (как того уже много лет хочется нашим властям) и отеснил доллар или евро как валюты международных расчетов, необходимо базовое условие: чтобы товары

российского производства свободно замещали — по технологическому уровню, качеству, цене — товары американского или европейского производства на всем пространстве мирового товарообмена. Тот факт, что Россия, будучи лидером среди европейских государств по объему ЗВР, вошла в тройку стран Европы с наиболее сильно «просевшими» в кризисный период 2008–2010 гг. национальными валютами, подтверждает данную мысль.

Каким должен быть оптимальный объем ЗВР? В международной практике разработаны различные критерии их минимальной достаточности. Как правило, достаточной считается величина резервов, равная стоимости импорта товаров и нефакторных услуг страны за три месяца. Возможно, что для России, с учетом ее специфических проблем, минимально достаточный объем ЗВР следует увеличить до шести месяцев стоимости импорта. Но даже по более строгому критерию, с учетом того, что для оплаты стоимости годового объема импорта и обслуживания внешнего государственного долга требуется \$330–350 млрд, фактический объем ЗВР нашей страны заметно превышает необходимый уровень. Можно говорить о функциональной избыточности как минимум \$200 млрд, омертвленных в международных резервах России. На эти деньги можно было бы существенно поддержать образование, науку, культуру, здравоохранение, ЖКХ, национальную экономику. А при условии проведения эффективной политики импортозамещения и снижения зависимости национального рынка от импортной продукции, величина функционально избыточных ЗВР увеличилась бы еще больше.

Не меняется и философия бюджетной политики Правительства РФ, основным содержанием которой остается «накопление денег в разного рода фондах и «заначках», позволяющее уйти от необходимости развивать страну под предлогом накопления «запасов на черный день» [10].

Вообще, страны, богатые нефтесырьевыми ресурсами, выбирают разные стратегии управления конъюнктурными экспортными доходами. Например, если Венесуэла полностью использует текущие wind-fall доходы на решение внутренних социальных проблем, то Норвегия придерживается противоположного подхода и полностью сберегает свои нефтегазовые доходы в Нефтяном фонде Норвегии, созданном еще в 1990 г.² Большинство же стран ищут «золотую середину», вырабатывают определенные бюджетные правила, определяющие какую долю нефтегазовых доходов учитывать в качестве доходов государственного бюджета и, следовательно, использовать на текущие расходы страны, в то время как остальные доходы подлежат сбережению в суверенных фондах. К числу таких государств относится и Россия: практика законодательного оформления бюджетных правил применяется у нас с

² Замечу, однако, что до создания фонда, т. е. на протяжении почти 20 лет с 1970 по 1990 гг., все свои нефтяные доходы Норвегия использовала в инвестиционных целях и для решения социальных вопросов, благодаря чему были созданы конкурентоспособная рыбная отрасль, бесплатное медицинское обслуживание и образования, выплачивались субсидии на аренду жилья и дотации при рождении ребенка.

Таблица 5
*Средства нефтегазовых фондов РФ в 2008–2012 гг.
(на конец года, млрд руб.)*

Фонды	2008 г.	2010 г.	2012 г.
Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (суммарно)	6612,1	3470,7	4576,3
Резервный фонд	4027,6	775,2	1885,7
Фонд национального благосостояния	2584,5	2695,5	2690,6
Доля общей величины фондов в ВВП страны, %	16,0	7,7	7,0

Источник: расчеты произведены по данным Минфина РФ [41]

2004 г., когда в связи с устойчивым ростом цен на мировых рынках нефти и соответствующим конъюнктурным увеличением доходов от нефтегазового сектора³ был создан Стабилизационный фонд РФ.

Уже в те годы, оценивая практику выделения нефтяных доходов в Стабилизационный фонд и управление средствами фонда, исследователи подчеркивали, что с политико-экономической точки зрения, «выведение значительной части федеральных доходов из федерального бюджета... и неиспользование их государством для выполнения своих функций есть искусственное торможение экономического развития. Если же выведенные из доходов бюджета российские финансовые ресурсы инвестируются в ценные бумаги западных стран, то это не что иное, как вывоз из страны природной ренты в интересах зарубежных транснациональных корпораций и западных государств, что прямо противоречит интересам национальной экономики» [6].

В 2008 г. Стабилизационный фонд был разделен на два фонда: Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (ФНБ). Основная задача первого фонда — аккумуляция финансовых ресурсов для обеспечения бюджетных расходов государства в случае заметного снижения поступлений нефтегазовых доходов в бюджет; уменьшение инфляционного давления и снижение зависимости национальной экономики от колебаний экспортных поступлений, связанных с невозобновляемыми природными ресурсами. Назначение второго фонда заключается в обеспечении устойчивости пенсионной системы страны на долгосрочную перспективу через софинансирование добровольных пенсионных накоплений граждан, покрытие дефицита бюджета Пенсионного фонда РФ. За последующие годы совокупный объем средств фондов уменьшился, при значительном изменении структуры совокупных ресурсов (см. табл. 5).

С 2013 г. российское правительство стало руководствоваться следующим бюджетным правилом: до тех пор, пока «подушка безопасности» Резервного фонда не достигнет величины в 7% ВВП (достижение этого уровня прогнозируется к 2018 г.) экспортные нефтегазовые доходы и НДС на углеводороды «запрещаются к использованию в экономике и социальной сфере и направляются в Резервный фонд» [30]. После

³ За период 2000–2005 гг. цена нефти сорта Brent повысилась с \$17 до 54,6 за баррель. В результате, годовая выручка от экспорта нефтегазовых ресурсов России увеличилась почти в три раза — с \$52,9 до 148,6 млрд; доля НДС и экспортных пошлин в федеральном бюджете выросла с 5 до 42% [34].

наполнения Резервного фонда дополнительные нефтегазовые доходы подлежат разделению: половина направляется в ФНБ, другая половина — в бюджет государства. В представлении министра финансов РФ А. Силуанова, именно в руководстве данным правилом и заключается политика по «снижению так называемой нефтегазовой зависимости», а «запас прочности для стран реально зависимых от внешнеэкономической конъюнктуры» связан с наличием, прежде всего, стабилизационных резервов [28].

Но обратной стороной «философии заначки» является искусственное занижение (замечу, на протяжении уже целого ряда лет) доходов федерального бюджета, при его первоначальном утверждении. При более чем достаточных финансовых ресурсах, аккумулированных в сберегательных фондах, бюджетное правило «задает бюджетному планированию дефицитные координаты при фактически профицитном бюджете». Для финансирования же дефицита бюджета (при фактическом его профиците, а значит и отсутствии необходимости в займах) правительство предусматривает внутренние и внешние заимствования. Следствием иррационального наращивания государственного долга становится рост расходов на его обслуживание: за 2008–2013 гг. расходы на обслуживание госдолга увеличились со 150 млрд руб. до 425 млрд руб., суммы, соизмеримой с расходами, выделенными в бюджете 2013 г. на здравоохранение [30]. Более того, в 2012 и 2013 гг. одновременное осуществление заимствований и пополнение средств Резервного фонда было запланировано уже на стадии утверждения федерального бюджета, естественно, с финансовыми потерями для бюджета на «ножницах процентов». Например, в 2011 г. ставки по займам были 7–8%, доходность же размещения активов Резервного фонда составила 1,9%. Результатом подобной политики правительства стал и тот факт, что рост государственной задолженности в 2009–2013 гг. сделал фактически напрасными принятые в 2001–2007 гг. усилия по сокращению государственного долга, и почти 10-кратное превышение в 2013 г. расходов на обслуживание государственного долга над доходами от размещения средств Резервного фонда [11].

Эксперты всегда отмечали крайне консервативный характер политики Правительства и Банка России по управлению средствами всех российских нефтегазовых фондов. На протяжении 10 лет суть этой политики остается одна и та же — сохранение накопленных ресурсов при обеспечении максимальной ликвидности и минимальном риске вложений. Обратной стороной такой политики является низкий уровень доходности. За весь период существования фондов среднегодовая доходность инвестирования средств ФНБ составила 3,41%, активов Резервного фонда — 2,70%. Для сравнения, доходность инвестиций средств нефтегазового фонда Норвегии за период 1999–2010 гг. составила 5,37% [23]. Как при столь пассивной политике можно рассчитывать на способность фондов быть частью устойчивого механизма экономического развития страны и пенсионного обеспечения ее граждан?

Поскольку доходная часть федерального бюджета России наполовину связана с налоговыми поступле-

ниями из нефтегазовой отрасли, проблематика резервирования и использования рентно-сырьевых доходов продолжает оставаться темой научных, экспертных, политических дискуссий. Спектр мнений очень широк. Одни авторы убеждены, что «формирование резервных фондов становится основой сохранения стабильности макроэкономических показателей и обеспечения инвестиционной привлекательности российской экономики» [21], что следует считать позитивным явлением «увеличение средств Резервного фонда и возвращение к бюджетному правилу, не позволяющему расходовать на текущие нужды полную сумму нефтегазовых доходов» [35].

Чаше, однако, вердикт такой, что следует сократить резервирование средств, которые используются для приобретения низкодоходных зарубежных финансовых активов, и увеличить объем средств на инвестиционные цели. Некоторые авторы предлагают отказаться от самой философии наращивания «похоронных накоплений», от императива пополнения фондов [30]. По мнению А. Селезнева, Резервный фонд и ФНБ на практике оказались «фондами страхования рисков, связанных с ошибками в экономической политике» (хотя для выполнения данной функции их размер слишком велик), и работают на укрепление иностранной экономики в ущерб российской экономике [33].

Другие исследователи еще более категоричны в своих оценках. М. Соколов убежден, что резервные фонды создаются в интересах, а зачастую и под давлением США («фактически это фонды стабилизации доллара», — пишет ученый) теми странами, которые живут за счет поставок сырья на мировой рынок. А значит, «уже само по себе наличие фонда резервирования нефтедолларов есть зримый признак зависимости... страны от сырьевого экспорта и США» [34].

В этой связи заметим, что национальные фонды благосостояния существуют во многих странах мира. Причем суверенные фонды создаются под различные цели (инвестиционные, обеспечение кратной и среднесрочной макроэкономической стабилизации, накопление долгосрочных сбережений) и имеют разные источники доходов. Например, в конце 2011 г. суммарный объем суверенных фондов в мире оценивался более чем в \$4,7 трлн, из которых 55% составляли средства нефтегазовых фондов [42]. Относительные объемы фондов благосостояния сильно варьируются по странам: если Норвежский нефтегазовый фонд превышает 100% ВВП страны, то в России нефтегазовые фонды относительно небольшие: на конец 2008 г. их объем составлял около 16% ВВП, а на конец 2012 г. — около 7%. Опыт одних стран (США (Аляска), Кувейт, Саудовская Аравия, Норвегия) свидетельствует о высокой социально-экономической эффективности суверенных фондов, опыт других (Нигерия, Чили) демонстрирует скорее отрицательные результаты в виде усиления инфляции, снижения темпа роста ВВП и др. [2].

Еще в 2005 г. отечественные ученые отмечали целый ряд негативных моментов, присущих порядку образования тогда еще Стабилизационного фонда. В частности, в то время как поддержание минерально-сырьевой базы страны требует значительно больших

средств, чем предусматривается федеральным бюджетом, «лишние» финансовые поступления от НДС изымаются в фонд; непонятно, почему фонд пополняется лишь за счет нефтяных (с 2008 г. нефтегазовых) доходов, и почему не изымаются рентные доходы от добычи и экспорта алмазов, золота, платиноидов и т. д. [18].

По моему мнению, недостатки, связанные как с формированием, так и с управлением ресурсами фондов, во многом объясняются тем фактом, что регулятор не понимает экономической сущности ренты, не учитывает различий между горной (природной) рентой и рентными доходами, получаемыми в связи с конъюнктурными колебаниями мировых сырьевых цен (ценовой рентой). Например, термин «нефтяная рента», которым оперирует Правительство РФ, является собирательным, включает в себя и горную дифференциальную ренту (в форме НДС), и ценовую ренту (в форме вывозных таможенных пошлин). Но «источником формирования горной и ценовой ренты выступают совершенно разные экономические факторы. Для горной ренты — природные месторождения и условия их эксплуатации, для ценовой — конъюнктурная разница между внутренними и внешними (экспортными) ценами» [17].

Напомню, что в нашей стране идея создания суверенного фонда на базе нефтегазовых доходов была выдвинута под предлогом решения проблем нарастающей сырьевой специализации российской экономики и ее зависимости «от конъюнктуры мировых рынков вообще, рынков топлива и сырья в частности». А. Илларионов, будучи экономическим советником Президента РФ, подчеркивал, что важнейшей структурной особенностью России «является не недостаток капитала (валюты, инвестиций), а его избыток», который целесообразно аккумулировать в «фонд экстраординарных доходов», то есть доходов, возникающих при благоприятной конъюнктуре мирового рынка [13].

Следуя этой логике, в нефтегазовые фонды должна изыматься только ценовая (конъюнктурная по своей природе) рента в форме экспортных пошлин на нефть, продукты нефтепереработки, газ и другие виды сырьевых ресурсов. Горная рента, изымаемая в форме НДС (хотя и привязанного к мировым ценам на нефть), требует не накопительного, а производительного использования, то есть не вложения в долговые обязательства иностранных государств, а использования на цели и задачи неоиндустриализации российской экономики (например, на импорт или финансирование лизинга зарубежного высокотехнологичного оборудования, технологий). И уж совершенно точно изымаемая горная рента должна обеспечивать потребности страны в расширенном воспроизводстве минерально-сырьевой базы.

Следует обратить внимание на то, что некоторые авторы придерживаются прямо противоположного мнения и полагают целесообразным управление «в особом режиме только доходами, связанными с изъятием природной ренты, поскольку они возникают в силу ограниченности природных ресурсов». Правда, их подход к оценке природной ренты как раз и служит

примером непонимания разницы между горной (действительно природной) рентой и ценовым рентным доходом. «Важно иметь в виду», — пишут эти ученые, «что размеры природной ренты определяются сочетанием нескольких параметров: а) мировыми ценами на углеводороды; б) динамикой производства и экспорта нефти и газа; в) динамикой реального обменного курса» [8]. Но мировые цены предопределяют величину не природной, а ценовой ренты, а динамика валютного курса влияет на размеры валютной ренты.

Отечественные исследователи выделяют валютную ренту в самостоятельный вид ренты, возникающий как результат вмешательства Центрального банка в процесс рыночного ценообразования на валютном рынке, с целью поддержания стабильного (заниженного) курса национальной валюты. Согласно новейшим оценкам, официальный курс рубля является заниженным относительно ППС в 2–3 раза [27]. При этом власти ссылаются на опыт и практику Китая, который проводит политику заниженного курса юаня с целью создания благоприятных условий своему экспорту (за счет повышения ценовой конкурентоспособности национальных товаров на внешних рынках), и снижения конкурентного преимущества импортных товаров на внутреннем рынке.

Действительно, согласно стандартным представлениям, укрепление национальной валюты негативно сказывается на международной конкурентоспособности экономики. Вместе с тем, последствия занижения валютного курса далеко не однозначны. Дж. Кальво и К. Рейнхарт, проанализировав последствия около 100 случаев девальвации национальной валюты, проведенной в разное время и в разных странах, пришли к выводу, что она сказывается на экономическом росте страны чаще негативно, чем позитивно, особенно в странах с низким и средним уровнем развития (к которым относится и Россия) [4]. Это обусловлено как сопутствующим девальвации сжатием внутреннего спроса, так и потерями из-за повышения стоимости номинированных в иностранной валюте долговых обязательств. Ученые подчеркивают, что судить о воздействии изменения обменного курса на национальную экономику, исходя только из общих соображений, невозможно. В каждом случае требуется детальный анализ, что, замечу, еще более справедливо по отношению к отдельным отраслям экономики.

Да, действительно, один из негативных эффектов укрепления национальной валюты состоит в том, что оно снижает относительные цены импортных товаров, делая их более привлекательными. В результате растет физический объем импорта, что, однако, обязательно наносит ущерб отечественному производству. В частности, российская практика показывает, что укрепление рубля в 2003–2008 гг. привело к снижению реальных процентных ставок, что, в свою очередь, стимулировало инвестиционный спрос и повысило доступность высокопроизводительного импортного оборудования. Кроме того, укрепление национальной валюты обостряет конкуренцию между отечественными и иностранными товарами, а конкуренция служит главной движущей силой инновационного развития и модернизации производства. Для российской эконо-

мики это особенно актуально, поскольку по степени остроты конкуренции наша экономика заметно отстает от других стран, относящихся к той же категории. Другой позитивный эффект укрепления национальной валюты связан с тем, что относительное удешевление импортной продукции в большинстве случаев ведет к замедлению роста цен отечественных производителей в соответствующих отраслях, что сдерживает инфляцию. Помимо этого, крепкий рубль способствует росту доверия населения к национальной валюте, что повышает ее привлекательность для сбережений и инвестиций.

Мне представляется, что для России ссыла на опыт Китая не очень подходит, поскольку в китайском экспорте преобладают товары с высокой добавленной стоимостью, в производстве которых задействована длинная цепочка национальных производителей и, следовательно, за счет заниженного курса юаня стимулируется развитие всей национальной экономики. В России же более 80% национального экспорта составляет продукция добывающих отраслей, с минимальной добавленной стоимостью и практически не связанная с внутренним рынком, а значит, валютный демпинг выгоден в основном сырьевым отраслям экономики. В целом в России «в условиях снижения обменного курса показатели развития национальной экономики ухудшаются в большей степени, чем в иной ситуации», — отмечают отечественные авторы [9].

Стоит обратить внимание и на тот факт, что заниженный курс национальной валюты не только приносит дополнительные доходы (валютную ренту) сырьевым компаниями, но и позволяет сырьевым олигархам и властям вводить в заблуждение население относительно того, что в России, дескать, цены на топливо и энергию все еще ниже мировых и, следовательно, им есть куда расти. Ведь именно под предлогом обеспечения равной доходности продаж на внутреннем и внешнем рынках, внутренние цены на российский газ ежегодно индексируются на 15% [37].

В этой связи отмечу работу, вышедшую еще в начале 2000-х гг., авторы которой провели межстрановые ценовые сопоставления стоимости нефти и нефтепродуктов, пересчитав внутрироссийские цены в доллары не по официальному валютному курсу, а по ППС (в то время \$1=10 руб.). Результат такого пересчета позволил ученым сделать вывод, что внутренние топливные цены в России не только не занижены, но находятся на более высоком уровне, чем соответствующие цены в развитых странах [31].

Подобные оценки приводятся и в последних исследованиях. «Под прикрытием валютного курса» цены на энергию и сырьевые ресурсы на внутреннем рынке России оказываются завышенными более чем в два раза, что «крайне негативно сказывается на положении индустриально-обрабатывающего сектора», поскольку дополнительные доходы сырьевого капитала трансформируются в растущие издержки промышленного бизнеса и предопределяют двух-, трехкратное превышение доли сырьевой компоненты в себестоимости российского конечного продукта, в сравнении с тем же китайским продуктом. Кроме того, удержание валютного курса на уровне в 2–3 раза ниже уровня по ППС

«создает эквивалент 100–200% импортной пошлины» и, таким образом, поддерживает механизм импорта долларовой инфляции, снижая покупательную способность населения [27].

Таким образом, в России политика заниженного валютного курса, будучи элементом лоббирования интересов узкого круга сырьевых экспортеров и выливаясь в рост топливно-сырьевых цен на внутреннем рынке, является фактором, подрывающим конкурентоспособность отечественной экономики со стороны как совокупного предложения, так и совокупного спроса.

Еще одним проявлением рентно-сырьевого характера социально-экономической системы России является неравномерное пространственное развитие страны. С. Глазьев пишет, что в стране сложилась колониальная модель развития и размещения производительных сил, когда самые выгодные виды экономической деятельности стягиваются к центру [7].

Подтверждением колониальной модели пространственного развития России служит экономическое доминирование столицы, превратившейся в крупнейший торгово-финансовый центр страны. Сегодня в Москве осуществляется почти половина российского топливно-сырьевого экспорта (составляющего более 70% национального экспорта). Исследователи связывают экономическое первенство Москвы с таким феноменом, как фаворитизм: «правительство, отдавая предпочтение одному городу, способствует стягиванию в него ресурсов страны (сырьевой ренты — *авт.*) и недоинвестирует в транспорт и инфраструктуру периферии» [25].

Но что влияет на степень выраженности фаворитизма столицы?

Прежде всего, уровень развития демократических институтов. Зарубежные исследователи отмечают, что степень доминирования столицы сильно ослабляется избирательной системой, в рамках которой голосование на периферии не подвержено влиянию центра, и наличием демократических институтов, обеспечивающих заметное представительство периферии в законодательных органах власти. Если жители периферии имеют возможность влиять на политическую ситуацию в стране, то степень концентрации населения, ресурсов и хозяйственной активности в столице не носит ярко выраженного характера [38]. В свою очередь, существует заметная положительная корреляция уровня демократизации с уровнем фискальной децентрализации, позволяющей периферии привлекать достаточные налоговые ресурсы для поддержания местной инфраструктуры и успешной конкуренции с центром за ресурсы и населения. Уровень же фискальной децентрализации зависит от таких факторов, как выборность глав регионов и муниципалитетов, объем фискальных полномочий региональных и муниципальных властей [39].

В нашей стране еще с советских времен закрепились традиции жесткой фискальной централизации. Несмотря на федеративное государственное устройство, основные принципы функционирования федерации в России не соблюдаются; в системе межбюджетных отношений постоянно пересматривается распределение доходных и расходных полномочий в

пользу федерального уровня, в ущерб региональному и муниципальному; передача же ответственности (социальной, экологической) на нижние уровни не сопровождается передачей адекватных финансовых ресурсов. Но, согласно закону централизации финансов, чем выше уровень концентрации средств в центральном бюджете, тем ниже уровень экономического и социального развития государства [19].

С другой стороны, следует отметить, что хотя исследователи и подчеркивают преимущества децентрализованной системы межбюджетных отношений для развития такого большого государства как Россия, вопрос об оптимальном уровне фискальной самостоятельности регионов и децентрализации в количественном отношении не решен. Много упирается именно в ресурсно-сырьевой характер российской экономики в условиях разной обеспеченности регионов страны природными ресурсами, востребованными мировым рынком. В такой ситуации фискальная децентрализация способна усилить неравномерность пространственного развития России. В этом контексте, признает М. Росс, лучшим решением может быть как раз централизация рентных доходов с последующим их межрегиональным перераспределением [32].

В нашей стране, однако, фискальная централизация не только не смягчает неравномерность пространственного развития, но усиливает ее. Сложившаяся высокоцентрализованная межбюджетная система благоприятна для жителей столицы по сравнению с жителями других регионов. Например, в 2010 г. расходы московского бюджета в расчете на одного москвича более чем в 2 раза превышали расходы бюджета среднего российского региона на душу населения. Сегодня в Москве более трети жителей получают социальную поддержку из бюджета города в виде надбавок к пенсиям и заработным платам бюджетников, жилищных субсидий и др., то есть получают часть ренты столичного статуса.

Отечественные исследователи называют зависимость экономики от экспорта минерально-сырьевых ресурсов в качестве дополнительного фактора, благоприятствующего фаворитизму российской столицы. В условиях практикуемого в России «ручного управления», ресурсно-сырьевые компании располагают головные офисы в Москве, желая добиться особых условий для ведения бизнеса⁴. В результате, огромные рентные доходы притекают в столицу (в 2011 г. 20% производства столицы обеспечивали добывающие отрасли), которая становится крупнейшим экспортером топливно-сырьевых ресурсов и финансовым центром в силу не столько экономических, сколько политических причин. Важно заметить, подобное положение обуславливает снижение общей аллокативной эффективности российской экономики: вслед за рентными

деньгами в столицу перетекают и человеческие ресурсы — «мигранты в поисках ренты» [25].

Таким образом, потоки рентных доходов, их величина и стабильность определяют экономическую и финансовую динамику развития страны, служат основой социально-экономической системы, сложившейся в пореформенной России. Характер такой системы и определяется, как рентно-сырьевая экономика.

Список использованных источников

1. С. Андрюшин, В. Бурлачков. Денежно-кредитная политика и глобальный финансовый кризис: вопросы методологии и уроки для России//Вопросы экономики, № 11, 2008.
2. М. Афанасьев. Инструментарий стабилизационного фонда: опыт и перспективы//Вопросы экономики, № 3, 2004.
3. О. Березинская, В. Миронов. Отечественный нефтегазовый комплекс: динамика конкурентоспособности и перспективы финансирования//Вопросы экономики, № 8, 2006.
4. А. Бланк, Е. Гурвич, А. Улюкаев. Обменный курс и конкурентоспособность отраслей российской экономики//Вопросы экономики, № 6, 2006.
5. Л. Бляхман. Глобальный кризис и переход к новой социально-экономической модели развития//Проблемы современной экономики, № 1, 2010. <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId>.
6. Ю. Воронин. Нефтегазовый бюджет: доводы и контрдоводы//Экономист, № 8, 2007.
7. С. Глазьев. К вопросу о размещении производительных сил//Экономист, № 9, 2011.
8. Е. Гурвич, Е. Вакулenco, П. Кривенко. Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах//Вопросы экономики, № 2, 2009.
9. С. Гуриев, А. Плеханов, К. Сонин. Экономический механизм сырьевой модели развития//Вопросы экономики, № 3, 2010.
10. М. Делягин. Бюджетная политика-2012: все та же «философия заначки»//Российский экономический журнал, № 3, 2012.
11. О. Дмитриева. Деформация бюджетной политике и управления долгом вследствие формирования стабилизационных фондов//Вопросы экономики, № 3, 2013.
12. В. Жуковский. Банк России по-прежнему блокирует модернизацию и развитие национальной экономики (обзор основных мероприятий и последствий новейшей монетарной политики)//Российский экономический журнал, № 5, 2012.
13. А. Илларионов. Экономическая политика в условиях открытой экономики со значительным сырьевым сектором//Вопросы экономики, № 4, 2001.
14. В. Иноземцев. Перспективы развития России в новом политическом цикле//ПОЛИС: Политические исследования, № 3, 2012.
15. С. Киммельман. Неиндустриализации препятствует государство-рантье//Экономист, № 8, 2011.
16. С. Киммельман. Сырьевой экономики в России нет! <http://www.business-gazeta.ru/text/38573>.
17. С. Киммельман, С. Андрюшин. Проблема горной ренты в современной России//Вопросы экономики, № 2, 2004.
18. С. Киммельман, С. Андрюшин. Стабилизационный фонд и экономический рост//Вопросы экономики, № 11, 2005.
19. В. Клисторин. Современный российский федерализм: политические и фискальные проблемы//Регион: экономика и социология, № 4, 2011.
20. И. Королев. Неопределенность мирового экономического развития: риски для России//Мировая экономика и международные отношения, №4, 2013.
21. А. Кудрин. Влияние доходов от экспорта нефтегазовых ресурсов на денежно-кредитную политику России//Вопросы экономики, № 3, 2013.
22. Р. Кучуков. Государственный сектор и его роль в Стратегии-2020//Экономист, № 9, 2011.
23. Е. Лебединский. Роль нефтегазовых фондов в России//Вопросы экономики, № 3, 2012.
24. Мировой кризис: угрозы для России//Материалы совместного заседания Ученого совета ИМЭМО РАН и Правления ИНСОП

⁴ За рубежом корпорации располагаются вблизи университетов, а не административных или политических центров. Например, из 50 крупнейших частных компаний США (по состоянию на 2009 г.) ни одна не имела офиса в Вашингтоне, и лишь у четырех они были расположены в Нью-Йорке. «Для снижения издержек лучше малые города, а для получения льгот — столицы», — пишет Л. Бляхман [5].

- 10 декабря 2008 г./Сост. и науч. ред. С. В. Чебанов. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
25. В. Мишура. Экономическое доминирование российской столицы: причины и последствия//Вопросы экономики, № 2, 2013.
26. В. Морозов. Модернизация и внутренний спрос//Экономист, № 11, 2012.
27. Р. Мусаев, И. Уклеин. О денежно-кредитных предпосылках новой индустриализации//Экономист, № 5, 2013.
28. Новая конфигурация мировой финансовой системы//Экономическая политика, № 2, 2013.
29. В. Оболенский. Внешнеэкономические связи России: некоторые уроки глобального кризиса//Вопросы экономики, № 5, 2012.
30. Официальная и альтернативная версии федерального бюджета-2013: продолжение «сказки про белого бычка»//Российский экономический журнал, № 5, 2012.
31. Оценки природной ренты и ее роль в экономике России/Под ред. С. Ю. Глазьева. М.: ИЭС, 2003.
32. М. Росс. Как богатые полезными ископаемыми страны могут сократить неравенство//Как избежать ресурсного проклятия/М. Хамфрис, Д. Сакс, Д. Стиглиц. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
33. А. Селезнев. Ресурсное обеспечение неоиндустриальной модели развития//Экономист, № 2, 2013.
34. М. Соколов. Нефтегазовые ресурсы, резервные фонды и бюджет//Экономист, № 7, 2012.
35. В. Стародубровский. Динамика застоя. Российская экономика в 2012 г.//Экономическая политика, № 2, 2013.
36. А. Шабалин. Масштабы и динамика внешнего корпоративного долга//Экономист, № 4, 2013.
37. Л. Эдер, И. Филимонова. Экономика нефтегазового сектора России//Вопросы экономики, № 10, 2012.
38. J. C. Davis, V. Henderson. Evidence on the Political Economy of the Urbanization Process//Journal of Urban Economics. Vol. 53. 2003.
39. V. Henderson, H. G. Wang. Urbanization and City Growth: The Role of Institutions//Regional Science and Urban Economics. Vol. 37. 2007.
40. http://www.nalog.ru/kontr_func/nal_kont/viezd_prov/prov_concept.
41. <http://www.info.minfin.ru/gdp.php>.
42. <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings>.
43. <http://www.roskazna.ru>.

Symptoms and estimations of the rental-resources nature of domestic economy

L. N. Danilenko, Candidate of Economics Science, Associate Professor of the Chair «The Economy and the Finance», Pskov State University.

Often, researchers describe an economic system that has developed in modern Russia, through the concept of rental-resources economy. The article deals with the manifestations and assesses the validity of this definition of the nature of the domestic economy. It is concluded that the flow of rental income, their value and stability determine the dynamics and the model of development.

Keywords: fiscal policy, exchange rate, rentier state, monetary policy, the rent, the sovereign fund, rental-resources economy.

*В сентябре Москва на неделю станет наукоградом:
впервые в столице Moscow Science Week-2014!*

С 8 по 12 сентября 2014 года ведущие ученые Москвы и ее окрестностей соберутся, чтобы поднять краеугольные вопросы прогресса и просвещения. В это время в Российской Академии Наук пройдет первый крупнейший междисциплинарный научный форум Moscow Science Week-2014.

На площадке Moscow Science Week можно будет прослушать лекции выдающихся ученых, выступления лауреатов молодежных научных премий, найти единомышленников и оппонентов на мастер-классах и круглых столах, а также ознакомиться с постерными сессиями и выставками инновационных продуктов и технологий. Форум открыт для всех: как для маститых ученых из ведущих научных учреждений и институтов развития (РАН, МГУ, МФТИ, МИФИ, Сколтех и др.), так и для совсем молодых и еще неизвестных деятелей науки. Кроме этого, на площадке Moscow Science Week-2014 участникам будет предоставлена возможность донести свои идеи и получить живой отклик от представителей органов власти и профессиональных организаций в области науки и образования (ФАНО Минобрнауки, РНФ, РФФИ, ФПФИ).

Программа MSW-2014 посвящена вопросам устройства человека и мира вокруг него. Основная научная программа состоит из трех дней. Первый день форума, 8 сентября, пройдет под эгидой науки о данных, Data Science.

Второй день (9 сентября) Moscow Science Week-2014 посвящен «Науке о жизни» — Life science. Темы, которые планируется затронуть на тематических сессиях, обширны — от поиска и разработки новых лекарственных препаратов до вопросов экологической безопасности.

Физика во всех ее проявлениях — от биологии до медицины — станет центром внимания ученого сообщества в третий день форума. Адронная терапия, лазерные технологии, флуоресцентная диагностика, интраоперационная навигация и фотодинамическая терапия, радионуклидная диагностика и лечение — далеко не полный список вопросов, которые планируется обсудить.

Место проведения: Москва, Ленинский пр., 32А.

Кроме того, серия тематических школ и конференций молодых ученых пройдет под эгидой Moscow Science Week-2014 в Москве, Пущино, Сочи, Нижнем Новгороде, Туапсе, Кисловодске.